

ПРАВО

УДК 343.985

О.В. Айвазова

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДХОД

Анализируется уголовно-процессуальная категория «неотложные следственные действия», обращается внимание на ряд взаимосвязанных теоретических и практических проблем, продуцируемых формулировкой указанного термина в процессе реализации данного специфического режима деятельности субъектов расследования. Это позволило представить рекомендации по разрешению затронутых в работе проблем и противоречий.

Ключевые слова: следственные действия; неотложные следственные действия; предварительное расследование; преступление; следователь; орган дознания; следы преступления.

Действующий уголовно-процессуальный закон 2001 г. олицетворяет значительную эволюцию представлений о понятии и содержании неотложных следственных действий в отечественном уголовном судопроизводстве.

Предыдущее процессуальное законодательство не содержало четкой дефиниции понятия «неотложные следственные действия». Регламентация неотложных следственных действий осуществлялась либо по описательному принципу: в виде перечня неотложных следственных действий органов дознания (при проведении дознания по делам о преступлениях, требующих предварительного следствия, согласно ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР), либо без отражения каких-либо существенных особенностей неотложных следственных действий (при выполнении неотложных следственных действий следователями в соответствии с ч. 2 ст. 132 УПК РСФСР). Косвенно определение понятия неотложных следственных действий (без их перечисления) можно было вывести, исходя из формулировки ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР как «следственных действий по установлению и закреплению следов преступления».

На безотлагательность процессуального реагирования органов дознания указывал также ограниченный срок, равный 10 суткам. Однако, в случае проведения неотложных следственных действий не органом дознания, а следователем, согласно ч. 2 ст. 132 УПК РСФСР, отсутствовали какие-либо четкие ограничения временного характера.

Регламентация неотложных следственных действий по УПК РСФСР 1960 г. способствовала активной дискуссии о наименовании, сущности и содержании указанного института, соотношении неотложных следственных действий и дознания, пределах полномочий субъектов неотложных следственных действий, потребности в расширении перечня следственных действий, признаваемых неотложными и т.д. [1. С. 4–21; 2. С. 3–34; 3. С. 3–17].

Одни авторы отстаивали позицию о законодательном расширении перечня неотложных следственных действий в ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР (предусматривавшего: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей) за счет иных следственных действий (как признаваемых действующим процессуальным законом, так и на тот момент находящихся в

состоянии формирования) [4. С. 4–22]. Другие обосновывали потребность в осуществлении органом дознания не только следственных, но и иных процессуальных действий, в частности принятии процессуальных решений, обеспечивающих проведение следственных действий, сохранность доказательственной информации, применение мер принуждения (включая меры пресечения) и т.д. [2. С. 9; 3. С. 17].

Необходимость в расширении данного перечня неотложных следственных и иных процессуальных действий аргументировалась как эмпирическим, так и теоретическим путем. Эмпирические источники свидетельствовали о регулярном выходе субъектами дознания за пределы четко очерченного перечня следственных действий, например, путем проведения очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, избрания меры пресечения, получения образцов для сравнительного исследования и пр. Причем анализ исходных следственных ситуаций действительно свидетельствовал об объективной потребности в безотлагательном обращении к тактико-криминалистическому потенциалу, например проверки показаний на месте [5. С. 3–9], предъявления для опознания [6. С. 68–72], назначению и производству экспертиз [7], следственному эксперименту [8. С. 72–74] и т.д. Следует отметить, что с точки зрения различных исследователей на оптимизацию перечня неотложных следственных и иных процессуальных действий, а также степень его конкретизации, возможность расширительного толкования, пределы допустимости действий сотрудников дознания отличались значительным разнообразием.

Ряд исследователей, считая экстенсивным подходом внесение предложений о законодательном дополнении перечня неотложных следственных действий тем или иным конкретным следственным действием, поскольку в зависимости от специфики исходных следственных ситуаций любое процессуальное действие может приобрести характер неотложного, предлагала отказаться от фиксированного перечня неотложных следственных действий, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УПК РФ, разработав универсальные основания для проведения следственных и иных процессуальных действий в неотложном режиме [2. С. 23].

Действующий законодатель, частично воплотив предложения исследователей по реформированию

системы предварительного расследования, впервые представил дефиницию понятия «неотложные следственные действия» в п. 19 ст. 5 УПК РФ 2001 г. Согласно указанной норме, под неотложными следственными действиями следует понимать «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». В статье 157 УПК РФ детализирован порядок производства неотложных следственных действий органами дознания по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Вместе с тем, нейтрализовав отдельные из многочисленных проблем института производства неотложных следственных действий, законодатель оставил вне пределов реагирования иные не менее важные вопросы, а также способствовал возникновению новых, ранее не известных аспектов.

Итак, представленная в п. 19 ст. 5 УПК РФ дефиниция «неотложные следственные действия» ограничивается режимом процессуального реагирования органа дознания на преступление, требующее осуществления предварительного расследования в форме следствия. В данном аспекте это крайне узкое, одностороннее представление об основаниях инициации режима неотложных следственных действий, оставляющее за бортом иные, не менее весомые основания.

Как уже отмечалось, проведение следственных действий в неотложном режиме может быть обусловлено выявлением не только органом дознания преступления, требующего предварительного следствия (ч. 1 ст. 157 УПК РФ) [9. С. 5], но также и следователем или дознавателем подразделений, полномочиями которых, по общему правилу, не охватывается расследование этих деяний (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Например, следователем органов внутренних дел выявлено преступление, относящееся к подследственности Следственного комитета России, либо наоборот. При этом особенности исходной следственной ситуации диктуют необходимость немедленного процессуального реагирования, во избежание утраты следов преступления и иной значимой для дела информации (как объективно с течением времени, так и вследствие преднамеренного воздействия заинтересованных лиц).

Формулировка ч. 5 ст. 152 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель имеет в виду именно ситуации, при которых изначально уголовное дело возбуждалось в соответствии с правилами о подследственности, однако в процессе расследования были установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии в действиях подозреваемого признаков деяний, подследственных иным органам предварительного расследования. Думается, что подобный подход не вполне соответствует сущности процессуального режима неотложных следственных действий, которая проявляется не только в необходимости немедленного процессуального реагирования, но и в опасности его отложения на более поздний временной период – до реального вступления в дело субъектов

расследования, уполномоченных действовать в соответствии с общими правилами о подследственности.

Поэтому считаем, что проведение неотложных следственных действий следователем или дознавателем, согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ, должно охватывать как ситуации, при которых признаки преступлений, не подследственных данным субъектам расследования, были выявлены в процессе предварительного расследования (что потребовало переквалификации), так и ситуации, когда квалификация преступления и подследственность были изначально определены верно (как не входящие, по общему правилу, в компетенцию данного субъекта расследования), но передача материалов по подследственности способствовала бы утрате доказательственной информации.

Разумеется, по итогам процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела также возможно принятие решения о передаче сообщения и материалов по подследственности, в соответствии с ч. 3 ст. 145 УПК РФ. В этом случае орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять меры по сохранению следов преступления, не возбуждая уголовного дела. Сохранение следов преступления осуществляется в соответствии с регламентированным ч. 1 ст. 144 УПК РФ перечнем проверочных мероприятий и отдельных следственных действий, допустимых на данном этапе.

Очевидно, что следственные действия, проведение которых разрешается в стадии возбуждения уголовного дела, также носят безотлагательный характер, что обусловлено необходимостью немедленного обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, установления иной доказательственной информации (полученной, допустим, в результате назначения экспертизы) [10. С. 274–277]. Кроме того, в режиме проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела фактически могут производиться некоторые из тех же следственных действий, которые осуществляются и в режиме неотложных следственных действий (различные виды осмотра, освидетельствование, назначение экспертиз) [11. С. 2–16; 12. С. 63–74].

Однако процессуальные режимы проведения этих следственных действий различны, что предопределено специфичностью процессуальных и тактических задач [13. С. 12–31] стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (в данном случае – в виде указанной разновидности первоначального этапа).

Как известно, назначение стадии возбуждения уголовного дела заключается в выявлении признаков преступления, а стадии предварительного расследования – в установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Соответственно, проведение отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела продиктовано потребностью в установлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а не на выяснение всех обстоятельств преступления. Не случайно перечень следственных действий, допустимых для проведения в стадии возбуждения уголовного дела, строго ограничен осмотром места происшествия, осмотром документов, предметов, трупов, освидетельствованием,

получением образцов для сравнительного исследования, назначением и проведением экспертизы.

Законодателем в п. 19 ст. 5 УПК РФ прямо определено, что неотложные следственные действия производятся после возбуждения уголовного дела, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. То есть, в отличие от действий в стадии возбуждения уголовного дела, неотложные следственные действия направлены на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (предусмотренных в любом из пунктов ст. 73 УПК РФ), при условии возникновения потребности в незамедлительном процессуальном реагировании.

Таким образом, на наш взгляд, при наличии качеств высокой динамичности следственной ситуации, недопустимости переноса момента процессуального реагирования или перепоручения его иным лицам без вреда для установления любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, дознаватель или следователь должен быть наделен правом не только производить неотложные следственные действия, но и изначально возбуждать уголовное дело по признакам преступления, не входящего в его предметную, территориальную или персональную подследственность. Если отсутствуют указанные качества, формирующие безотлагательность следственной ситуации, и достаточно мероприятий по закреплению следов преступления в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ с последующей передачей сообщения о преступлении и прилагаемых материалов по подследственности, то возбуждение уголовного дела не требуется.

Спору нет, по общему правилу предварительное расследование должно осуществляться должностными лицами, обладающими соответствующей специальной подготовкой и компетентностью, т.е. с соблюдением правил о подследственности. Тем не менее реалии правоприменительной практики побуждают говорить о регулярном возникновении ситуаций, требующих немедленного реагирования субъекта расследования, пусть даже не наделенного по общему правилу полномочиями по расследованию конкретной категории преступления. Типичными иллюстрациями указанных ситуаций выступают возникновение различных форсмажорных обстоятельств, специализированный режим деятельности организации, в которой совершено преступление, территориальная удаленность места происшествия от дислокации следственных органов и т.п. – при наличии субъектов, обладающих правом производства неотложных следственных действий в качестве органа дознания.

Итак, воплотив многочисленные предложения научных и практических работников, законодатель сконструировал дефиницию понятия «неотложные следственные действия» в п. 19 ст. 5 УПК РФ. При этом ему удалось абстрагироваться от перечисления следственных действий, производимых в неотложном режиме, обозначив следующие универсальные критерии неотложности: необходимость обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Признавая в качестве позитивного принятый законодателем общий вектор модификации института неотложных следственных действий, тем не менее, обратим внимание на некоторые неточности в конструкции данного термина. В частности, в нем отсутствует неопределенность в том, относится ли фраза «требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» к доказательствам, либо как к доказательствам, так и к следам (т.е. трактуется ли приведенная фраза в буквальном или в собирательном, обобщенном, смысле). При обобщенной трактовке возникают элементы тавтологического характера в виде двух взаимно избыточных фраз: «необходимость обнаружения и фиксации» – «требующих незамедлительного закрепления, изъятия...», поскольку термины «закрепление» и «фиксация» равнозначны по смыслу.

Если законодатель адресует эту фразу только по отношению к доказательствам, то нельзя забывать, что нормы УПК РФ применяются системно, т.е. во взаимосвязи с другими положениями процессуального закона. УПК РФ понимает под доказательствами сведения, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, характеризующихся критериями относимости, допустимости, достоверности, полученные в предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ формах, и в порядке, регулирующим основания и порядок проведения процессуальных действий.

Другими словами, в отечественном уголовном судопроизводстве всякая выявленная криминалистически значимая информация не может напрямую стать доказательством, минуя процедуру собирания (формирования) доказательств с помощью осуществления следственных и иных процессуальных действий; кроме того, в обязательном порядке она впоследствии подвергается стадиям проверки и оценки. В этом смысле доказательства (как сведения, полученные в предусмотренных законом процессуальных формах и отображенные в процессуальных актах) вряд ли нуждаются в изъятии. Поэтому, на наш взгляд, словосочетание «обнаружение и фиксации... доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования», является не вполне удачным.

По всей видимости, имеются в виду следственные и иные процессуальные действия, промедление с которыми способствует утрате доказательственной информации, будь она в виде следов-отображений, следов-предметов или документов, идеальных следов, указывающих на различные обстоятельства преступления, а также на высокую вероятность противодействия расследованию на посткриминальном этапе.

В этой связи полагаем, что термин «неотложные следственные действия» представляется оптимальным изложить в следующей формулировке: «неотложные следственные и иные процессуальные действия – следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа после возбуждения уголовного дела о преступлении, не входящем, по общему правилу, в его предметную, территориальную или персональную подследствен-

ность, в случаях, требующих немедленного процессуального реагирования, если перенос момента проведения следственных и иных процессуальных действий в связи с передачей уголовного дела по подслед-

ственности, будет способствовать исчезновению, утрате, фальсификации доказательственной информации и (или) сокрытию лица, совершившего преступление, от следствия и суда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев А.Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 23 с.
2. Луковников Г.Д. Органы дознания в системе досудебного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 34 с.
3. Болотин С.В. Орган дознания в системе уголовно-процессуальных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 17 с.
4. Сигалов Л.Е. Теория и практика неотложных следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 23 с.
5. Варданян А.В. Процессуально-тактический потенциал проверки показаний на месте и особенности его реализации при расследовании насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 3–9.
6. Варданян А.В. Совершенствование гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса в контексте современных тенденций преступности // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. Орел, 2016. С. 68–72.
7. Князьков А.С. Проблемы доказательной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 66–74.
8. Князьков А.С. Проблемы оценки результатов следственного эксперимента // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-1. С. 72–74.
9. Варданян А.В., Плясов К.А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 5.
10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России) : сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Тула, 2016. С. 274–277.
11. Варданян А.В., Мельникова О.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 16–21.
12. Варданян А.В., Антонов В.А., Белохребтов В.С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость. Иркутск, 2016.
13. Князьков А.С. Тактическая задача как элемент поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 12–31.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2018 г.

URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS: A THEORETICAL AND APPLIED APPROACH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 205–209.

DOI: 10.17223/15617793/432/27

Olga V. Ayzazova, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Roston-on-Don, Russian Federation). E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Keywords: investigative actions; urgent investigative actions; preliminary investigation; crime; investigator inquiry; body of inquiry; traces of crime; evidence; initiation of criminal proceedings.

The subject of the research is the theoretical and practical aspects of the institution of urgent investigative actions in the Russian criminal proceedings. The definition of the term “urgent investigative actions”, presented in Paragraph 19 of Article 5 of the RF Code of Criminal Procedure, is not formulated in full accordance with the interrelated norms governing the activities of subjects of investigation in this procedural regime, which causes various problems of law enforcement. In order to carry out a systematic analysis of the alleged problems, the author made a brief excursion into the regulation of the institution according to the previous criminal procedure law, considered the modern version of the rules governing the procedural regime of urgent investigative actions, different views of researchers, as well as addressed the empirical analysis of criminal cases in which the regime of urgent investigative actions was implemented and the intervention of subjects of investigation. Recognizing the general modification of the institution of urgent investigative actions accepted by the legislator as positive, the author comes to a conclusion that the definition of the concept “urgent investigative actions” provided in Paragraph 19 of Article 5 of the Criminal Code of the Russian Federation displays an extremely narrow, unilateral approach to the understanding of the bases of initiation of the mode of urgent investigative actions, leaving behind other, not less weighty bases for such actions are limited to the regime of a procedural reaction of a body of inquiry to a crime demanding preliminary investigation in the form of investigation. In addition, not only the content of the institution, but also the name of the term “urgent investigative actions” in the meaning of a specific procedural regime of crime investigation require expansion. As a result of consideration of the specified problems, the author’s formulation of the definition of the concept “urgent investigative and other procedural actions” in the form of the draft of Paragraph 19 of Article 5 of the RF Code of Criminal Procedure is offered: “urgent investigative and other procedural actions are investigative and other procedural actions carried out by the investigator, a body of inquiry, the investigator, the head of an investigative body after the initiation of a criminal case about a crime that is not part of, by the general rule, its substantive, territorial and personal jurisdiction, in cases requiring immediate procedural response, if the change of time of investigative and other procedural actions in connection with the transfer of criminal proceedings in accordance with the jurisdiction will contribute to the disappearance, loss, falsification of evidentiary information and (or) concealment of the person who committed the crime from investigation and court”.

REFERENCES

1. Sergeev, A.B. (1999) *Problemy protsessual'noy deyatel'nosti organov doznaniya* [Problems of procedural activity of the bodies of inquiry]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

2. Lukovnikov, G.D. (1999) *Organy doznaniya v sisteme dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam* [The bodies of inquiry in the system of pre-trial proceedings in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Bolotin, S.V. (1990) *Organ doznaniya v sisteme ugovolno-protsessual'nykh pravootnosheniy* [The body of inquiry in the system of criminal procedural legal relations]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Sigalov, L.E. (1969) *Teoriya i praktika neotlozhnykh sledstvennykh deystviy* [Theory and practice of urgent investigative actions]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
5. Vardanyan, A.V. (2017) Procedural tactical potential of check of evidence on the spot and peculiarities of its implementation in the investigation of violent crimes committed by persons with mental disorders that do not exclude sanity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences.* 3-2. pp. 3–9. (In Russian).
6. Vardanyan, A.V. (2016) [Improving security guarantees for participants in the criminal procedure in the context of contemporary crime trends]. *Sovremennoe ugovolno-protsessual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Contemporary Criminal Procedural Law of Russia: Lessons of History and Problems of Further Reform]. Proceedings of the international conference to the 60th birthday of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Nikolyuk. Orel: Orel Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 68–72. (In Russian).
7. Knyaz'kov, A.S. (2014) The problems of evidentiary significance in the course of commission, production and estimation of the results of forensic examinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 4 (14). pp. 66–74. (In Russian).
8. Knyaz'kov, A.S. (2017) Problemy otsenki rezul'tatov sledstvennogo eksperimenta [Problems of the assessment of the results of the investigative experiment]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami.* 15-1. pp. 72–74.
9. Vardanyan, A.V. & Plyasov, K.A. (2017) The powers of inquiry as the subjects of the investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences.* 1-2. pp. 5. (In Russian).
10. Vardanyan, A.V. & Gribunov, O.P. (2016) [Judicial examination appointed in the investigation of plunders at transport sites]. *Teoriya i praktika protivodeystviya prestupnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (k 95-letiyu obrazovaniya Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii)* [Theory and Practice of Counteracting Crime in the Asia-Pacific Region (to the 95th anniversary of the establishment of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)]. Proceedings of the international conference. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 274–277. (In Russian).
11. Vardanyan, A.V. & Mel'nikova, O.V. (2013) Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestiya pri rassledovanii prestupleniy v sfere proizvodstva i oborota fal'sifitsirovannoy alkogol'noy produktsii [Peculiarities of the inspection of the scene of crime in the investigation of crimes in the sphere of production and turnover of counterfeit alcohol products]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences.* 2-2. pp. 16–21.
12. Vardanyan, A.V., Antonov, V.A. & Belokhrebtev, V.S. (2016) *Osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pokusheniya na moshennichestvo pri vozmeshchenii naloga na dobavlenmyu stoimost'* [Features of detection, disclosure and the initial stage of the investigation of an attempt at fraud when reimbursing the value added tax]. Irkutsk: VSI MVD Rossii.
13. Knyaz'kov, A.S. (2011) Tactical problem as an element of the searching cognitive activity of subjects in proof in criminal cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2. pp. 12–31. (In Russian).

Received: 01 June 2018